

ПЫШКА ДЛЯ ГРОЗНОГО СОСЕДА

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Пышка для грозного соседа

<https://litres.ru/74329394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маша Круглова едет на унаследованную дачу, мечтая начать новую жизнь: развод остался в прошлом, впереди — свежий воздух, домашние пирожки и, возможно, встреча с настоящей любовью.

Но вместо романтического лесника судьба подсовывает ей Егора Орлова — сурового бывшего офицера, председателя дачного товарищества и фанатика порядка. Он живёт по расписанию, считает калории и уверен, что шумная соседка с курами представляет угрозу его идеально устроенному миру.

Их противостояние быстро превращается в опасную игру чувств. Особенно когда в дело вмешиваются предприимчивая дочь Егора, его эффектная бывшая и застройщик, решивший отнять у жителей землю.

Чтобы защитить свой новый дом, Маша должна объединиться с мужчиной, которого собиралась победить. И выяснить: сумеют ли её пирожки, упрямство и большое сердце растопить душу человека, привыкшего контролировать всё — кроме любви?

Содержание

Глава 1	4
Марат	4
Глава 2	18
Чемпионка Валя	18
Глава 3	25
Марат	25
Глава 4	33
От лица Марата	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ульяна Соболева

Пышка для грозного соседа

Глава 1

Марат

Меня зовут Марат Алмазов, и я чемпион мира по пре-
вращению своей жизни в идеально отполированную пустоту.
Если бы существовал турнир по умению упускать все самое
важное в жизни, я бы занял первое место с нокаутом в пер-
вом раунде.

Сию я значит в своей квартире-музее, где каждый пред-
мет расставлен с точностью швейцарских часов, а воздух на-
столько стерилен, что его можно разливать по ампулам и
продавать как «Аромат успешного мужчины без женщины».
Кубки блестят как зубы голливудских актеров, медали висят
ровными рядами словно солдаты на параде, а холодильник...
ах, мой холодильник! Это восьмое чудо света, содержащее
исключительно протеиновые коктейли и остатки вчерашне-
го заказа из суши-бара.

— Марат, ты же понимаешь, что так жить нельзя? — над-
рывался вчера мой тренер Виктор Петрович, размахивая ру-

ками как мельница в степи. — Тебе тридцать два! Пора бы уже семью завести, детей...

Дети. Ха! Я же не могу даже кактус живым держать дольше месяца. У меня есть талант превращать любое живое существо в засушенный гербарий одним только взглядом. Последний кактус, кстати, назывался Геннадий. Покоится с миром на подоконнике уже третий месяц.

Но вообще-то я не всегда был таким образцовым холостяком-отшельником. Было время, когда мое сердце билось не только от адреналина в октагоне, но и от взгляда голубых глаз девушки по имени Оля. Оля Свиридова. Имя, которое я не произносил вслух уже пять лет, но которое засело в голове как назойливая мелодия из рекламы.

Оля была... как бы это сказать, чтобы не скатиться в сентиментальную жвачку... Оля была как глоток холодной воды в пустыне моего существования. Смеялась так, что хотелось записать этот звук и слушать вместо будильника. Готовила борщ, от запаха которого я готов был предать родину и переехать к ней жить в кладовку. А целовалась... Господи, целовалась она так, что я забывал не только как меня зовут, но и на какой планете мы живем.

Но нет, мне же нужно было все испортить! Изменить ей с какой-то блондинкой из спортбара, имя которой я не помню до сих пор. Гениально, Марат! Просто чертовски гениально! Променять бриллиант на стекляшку, а потом всю жизнь кушать локти и жалеть об этом.

— Ты идиот, — сказала тогда Оля, стоя в дверях с чемоданом в руке. Глаза сухие, голос спокойный. Знаете, что страшнее слез? Вот это вот спокойствие, когда человек настолько разочарован, что даже кричать не хочет.

— Оля, я...

— Не надо. — Она подняла руку, и я заткнулся как первоклассник перед строгой училкой. — Просто не надо.

И ушла. А я остался стоять посреди нашей квартиры, которая за секунду превратилась в декорации к фильму ужасов под названием «Моя жизнь без Оли».

Пять лет прошло. Пять лет я живу как робот: тренировки, бои, победы, интервью, фотосессии. Успешный, востребованный, богатый. И пустой внутри как барабан у уличного музыканта.

Сегодня очередной турнир. Приезжаю в спорткомплекс, где знакомая суeta кипит как кастрюля борща у бабушки. Журналисты налетают как голодные комары.

— Марат, как настроение перед боем?

— Марат, правда ли, что это ваш последний бой в карьере?

— Марат, есть ли девушка в вашей жизни?

Последний вопрос попадает прямо в больное место. Улыбаюсь натянуто, как натягивают резину на рогатке.

— Девушка? — делаю паузу для эффекта. — Моя единственная возлюбленная — это ринг!

Журналисты смеются, записывают. Хорошая цитата для

завтрашних заголовков.

Выхожу к рингу под рев толпы. Тысячи людей кричат мое имя, размахивают плакатами, фотографируют на телефоны. Для них я герой, кумир, образец для подражания.

Бой проходит как обычно — технично, хладнокровно, победно. Соперник падает во втором раунде, толпа ревет, камеры щелкают. Я поднимаю руки вверх, изображая радость. Внутри — привычная пустота.

И тут происходит нечто, что заставляет меня поверить в существование высших сил с очень развитым чувством юмора.

На ринг... нет, не просто поднимается, а **ВЫЛЕЗАЕТ** маленькое существо в розовой куртке. Ребенок! Девочка лет пяти, с косичками торчком и решительным выражением лица, которое могло бы позавидовать любому генералу.

Охрана пытается ее остановить, но малышка уворачивается с ловкостью, достойной мастера боевых искусств. Она пролезает между ног удивленных секьюрити, ныряет под протянутыми руками и со всех ног бежит ко мне.

Толпа замирает. Тишина повисает в воздухе как туман над болотом.

А девочка подбегает ко мне, поднимает голову (боже мой, эти глаза... голубые, как у...) и выдает фразу, от которой у меня подкашиваются ноги:

— Ты мой папа! — голосочек звенит как колокольчик, но буквы путаются самым очаровательным образом. — Маме

нужна твоя помощь! Я никуда не уйду и лассказу всем дядям и тетям, што ты мой папа!

Весь зал как один человек достает телефоны. Щелчки камер сливаются в непрерывную трель. Комментаторы теряют дар речи, что, кстати, случается с ними примерно раз в столетие.

А я стою и смотрю на эту маленькую особу, и у меня начинается короткое замыкание в мозгах. Глаза... Святые угодники, эти глаза — точная копия Олиных. И упрямо сжатые губки. И этот решительный подбородок.

— Что... что ты сказала? — заикаюсь я, как школьник у доски.

— Ты мой папа! — повторяет девочка с терпением учительницы, объясняющей таблицу умножения. — Малат Алмазов! А я Валя! Валентина Маратовна Свилидова!

Свиридова. Мир начинает кружиться вокруг меня, как в центрифуге. Математика в моей голове пытается что-то вычислить, но все цифры разбегаются как тараканы при включенном свете.

— Это... это невозможно, — бормочу я. — Тут какая-то ошибка...

— Никакой ошибки! — Валя топает ножкой. — Я видела твои фотографии в мамином телефоне! Мама на них смотрит и плащет!

К нам уже несется толпа. Виктор Петрович летит как ракета, лицо у него цвета спелого помидора.

— Марат! — шипит он, хватая меня за руку. — Что здесь происходит?! Это прямой эфир! Вся страна смотрит!

— Дядя, не тлогай моего папу! — Валя встает между нами, как маленький телохранитель. — Он занят очень важным делом!

— Какой папа?! — Виктор Петрович выглядит так, будто сейчас у него случится инфаркт. — Марат, скажи мне, что это не твой ребенок!

— Я... я не знаю, — честно признаюсь я. — То есть... может быть... но это же...

— МОЖЕТ БЫТЬ?! — голос тренера достигает частот, на которых общаются летучие мыши. — На тебя смотрит вся страна, а ты «может быть»?!

— А што здесь такого? — Валя смотрит на дядю Витю с искренним недоумением. — Папы всегда узнают своих детей! В мультиках всегда так!

Охранники тем временем пытаются деликатно подойти к ситуации, но каждый раз, когда они делают шаг к Вале, она прячется за меня.

— Слушай, малышка, — начинаю я, присаживаясь на корточки. — Может, ты ошибаешься? Может, я просто похож на...

— НЕТ! — Валя так громко кричит, что, кажется, дрожат стекла. — Мама говорила: «Вот твой папа, Валечка. Он сильный и клаливый, но очень глупый». И ты действительно глупый, если не узнаешь свою дочку!

Зал ахает. Кто-то даже хлопает. Комментаторы лепечут что-то про «семейную драму в прямом эфире».

— Виктор Петрович, — подбегает менеджер турнира, весь красный от волнения. — Рейтинги взлетели до небес! Вся соцсеть только об этом и говорит!

— Мне плевать на рейтинги! — шипит тренер. — Марат, немедленно разберись с этой... ситуацией!

— А што тут лазбилаться? — Валя опять ставит руки в боки. — Мама в больнице, ей нужна помощь, а папа стоит и думает! Думать надо было ланьше!

Эта фраза попадает в точку с точностью снайперского выстрела. Я чувствую, как краснею до кончиков ушей.

— Ты... ты серьезно считаешь, что я твой отец? — спрашиваю слабым голосом.

— А ты сельезно считаешь, что ты не мой папа? — парирует Валя. — У меня есть твои фотографии, у меня есть мамины слезы, и у меня есть вот это! — Она показывает на свои глаза. — Тётя Маша говолит, что у меня точно такой же упямый подбородок, как у мужчины из маминых фотографий!

— Марат, — Виктор Петрович хватается за сердце, — ты понимаешь, что творишь? У нас контракты, спонсоры, репутация!

— А у меня мама в больнице! — перебивает его Валя. — И мне на ваши контлакты наплевать!

Она произносит это с таким достоинством, что мне хочет-

ся аплодировать. Пятилетний ребенок только что поставила на место взрослого мужчину.

— Хорошо, — говорю я, и мой голос звучит как у человека, который прыгает с парашютом впервые в жизни. — Валя, а где сейчас твоя мама?

— В больнице номел семь! — тут же отвечает она. — Док-тол Петлов сказал, что нужна солочная опелация, а у нас нет денег!

— И ты пришла за помощью?

— Конечно! Папы же для этого и нужны! — заявляет Валя с логикой, против которой не поспоришь.

Виктор Петрович издает звук, похожий на вздох умирающего кита.

— Марат, подумай о карьере! О репутации! Ты же не можешь просто взять и...

— А почему не может? — Валя смотрит на тренера как на полного идиота. — Он же сильный! Он же богатый! Он же папа! Папы всегда помогают!

И тут до меня доходит. Эта малышка права. Абсолютно, безоговорочно права. Если есть хотя бы шанс, что она моя дочь, если Оля в больнице...

— Ладно, — говорю я, и чувствую, как что-то переворачивается у меня в груди. — Виктор Петрович, отложите все интервью. У меня появились неотложные дела.

— КАКИЕ ДЕЛА?! — тренер готов лезть на стену.

— Семейные, — отвечаю я и беру Валю за руку. — Пой-

дем, принцесса. Покажешь дорогу в больницу. Разберусь что это за ребенок и чей он!

— УЛА! — кричит Валя и подпрыгивает от счастья. — Я же говорила, что ты мой папа! Самый лучший папа в мире!

Толпа взрывается аплодисментами и свистом. Кто-то кричит «Браво!», кто-то снимает все это на телефон. А Виктор Петрович стоит с открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

— Марат! — кричит он мне вслед. — Ты же понимаешь, что это может быть розыгрыш?! Мошенничество!

— Слушай, малышка, — останавливаюсь я и поворачиваюсь к Вале. — Может, ты все-таки ошибаешься? Я не знаю никакой Оли...

— ЛОШЬ! — Валя топает ногой так, что эхо разносится по всему залу. — Ты знаешь мою маму! И ты мой папа!

— Но я же не помню... — начинаю я, но Валя перебивает меня с яростью маленького тайфуна.

— Ты плосто не хочешь помнить! — кричит она, и глаза наполняются слезами ярости. — Потому что ты тлус! Тлус и злой!

— Послушай, девочка...

— Я НЕ ДЕВОЩКА! Я ВАЛЯ! ТВОЯ ДОЩА! — Валя бросается на меня и начинает молотить кулачками по ногам. — И я никуда от тебя не уйду! НИКУДА!

Охранники делают шаг вперед, но я машу рукой — не надо.

— Валя, успокойся...

— НЕ БУДУ! — она продолжает колотить меня маленькими кулачками. — Пока ты не скажешь, что поможешь маме!

— Но я же не знаю...

ХРЯСЬ! Валя кусает меня за руку! Да так, что я подпрыгиваю!

— Ой! Что ты делаешь?! Ах ты ж маленькая ведьмочка!

— Так тебе и надо! — Валя вытирает слезы, но продолжает держаться за мою руку мертвой хваткой. — Мама говорила, что ты упламый! Очень-очень упламый!

— Упрямый, — машинально поправляю я.

— НЕ ПОЛАВЛЯЙ МЕНЯ! — взрывается Валя. — Я так говолю, как говолю! И ты все лавно мой папа, даже если ты это отлицаешь!

Виктор Петрович хватается за голову.

— Марат, уведи ее в раздевалку! Сейчас весь интернет будет обсуждать этот цирк!

— Это не цирк! — Валя поворачивается к тренеру. — Это семейные дела! А вы, дядя Витя, очень невежливый!

— Хорошо, хорошо, — сдаюсь я. — Пойдем в раздевалку, поговорим спокойно.

— Наконец-то! — Валя цепляется за мою руку обеими руками. — Но я не отпущу тебя! **ВООБЩЕ!**

В раздевалке Валя забирается на скамейку и смотрит на меня с видом следователя, который допрашивает особо опас-

ного преступника.

— Так, — говорит она строго. — Сейчас ты мне объяснишь, почему ты плетволяешься, что не знаешь мою маму.

— Я не притворяюсь... — начинаю я, но Валя сразу показывает мне язык.

— Плитволяешься! У меня есть фотоглафии!

Она лезет в карман куртки и достает чуть побитый детский телефон. Тыкает пальчиком по экрану и показывает мне фото.

И я чуть не падаю. На экране — я, обнимающий Олю. Мы оба смеемся, счастливые...

— Откуда... — шепчу я.

— Из мамино телефона! — торжествующе заявляет Валя. — Мама говолит, что это ее самая любимая фотография. И что ты мой папа, но ты не хочешь меня знать.

— Это неправда! — взрываюсь я. — Я бы никогда... если бы я знал...

— Вот! — Валя подпрыгивает. — Значит, ты ВСЕ-ТАКИ мой папа! Ты плосто сам в этом плизнался!

Черт. Попался в ловушку пятилетнего ребенка.

— Но ведь твоя мама... она же не говорила мне... Так что не обязательно...

— А тебе и не нужно было говолить! — Валя скачет с лавки и снова вцепляется в мою руку. — Надо было самому догадаться! Папы всегда догадываются!

— Откуда ты это знаешь?

— Из мультиков! — заявляет она с абсолютной уверенностью. — В мультиках папы всегда плибегают и спасают всех!

— Но это же мультики...

— И ЩТО?! — Валя снова начинает молотить меня кулачками. — Почему в мультиках можно, а в жизни нельзя?! Это нещестно!

— Валя, перестань драться!

— Не плестану! — она висит на моей руке как маленькая обезьянка. — Пока ты не скажешь, что поедешь к маме!

— Но я же не знаю, где больница...

— А я знаю! — Валя достает из другого кармана мятую бумажку. — Вот адрес! Тетя Маса записала!

Я читаю: «Больница № 7, хирургическое отделение, палата 15, Свиридова Ольга Михайловна».

Свиридова Ольга Михайловна. Моя Оля.

— Тепель ты велишь? — Валя смотрит на меня снизу вверх. — Тепель поедешь?

— Я... мне нужно подумать...

— ДУМАТЬ?! — Валя так кричит, что, кажется, звенят лампочки. — Мама умиляет, а ты будешь ДУМАТЬ?!

И тут она делает то, чего я совершенно не ожидал — падает на пол и начинает рыдать. Не просто плакать, а рыдать так, что сердце разрывается.

— Мама... мама умлет... а папа не хочет... не хочет помощь... — всхлипывает она между слезами.

— Валя, не плачь...

— Буду плакать! — она поднимает на меня красные от слез глаза. — Буду плакать и кличать, пока ты не согласишься!

И действительно начинает кричать:

— ПАПА НЕ ХОЩЕТ СПАСАТЬ МАМУ! ПАПА ЗЛОЙ! ПАПА...

— Тише! — я присаживаюсь рядом с ней. — Перестань кричать!

— Не плестану! — Валя цепляется за мою футболку. — Пока не скажешь «да»!

— Хорошо! — сдаюсь я наконец. — Хорошо, поедем к твоей маме!

Валя мгновенно перестает плакать, вытирает нос рукавом и улыбается так, будто только что получила главный приз в лотерее.

— Я знала! — заявляет она. — Знала, что ты согласишься! Папы всегда соглашаются!

— Откуда ты такая настойчивая? — вздыхаю я.

— Как откуда? — Валя удивленно моргает. — Я же твоя доча! У меня такой же халактел!

Характер, малышка. Но я уже понял, что поправлять ее бесполезно.

— Ладно, — встаю я. — Пойдём к машине.

Перед выходом звоню в полицию и по номеру Марии Павловны из маминого телефона. Сообщаю, что Валя нашлась и я везу её в больницу к матери. Дежурный записывает мои

данные и просит дождаться сотрудников уже там.

— УЛЛЛА! — кричит Валя и хватает меня за руку. — Самая лучшая поездка в моей жизни! Едем спасать маму!

Глава 2

Чемпионка Валя

Пливает! Меня зовут Валя, и я самая умная девочка в нашем доме! Мне пять лет, и я уже умею много всего — считать до двадцати, завязывать шнурки (плавда, не всегда получается), и главное — я знаю, как найти папу!

Сегодня случилась ужасная штука. Мама переходила дологу, а там была глупая машина, которая не умеет тормозить! Машина стукнула мою маму, и ее увезли в больницу. Доктол сказал, что мама спит очень глубоко и ей нужна опе- лация.

Тётя Маша плащёт и говолит: «Что же делать, что же де- лать!» А я думаю — какие глупые взлослые! Все очень пло- сто! Надо найти папу, и он все исплавит!

Тётя Маша — это наша соседка. Она очень сталенькая и ходит медленно-медленно, как черепаха. У нее есть палочка, и она стучит ей по полу: тук-тук-тук. Когда тётя Маша идёт по колидолу, все знают — это она.

— Валечка, — говолит тётя Маша, вытилая слезы, — что же нам делать? У мамы нет лодственников...

А я думаю: «Как это нет? А папа? Папа же есть!» Но тётя Маша очень забывчивая, она плосто не помнит.

Мама лежит в больнице и не может мне сказать, где папа. Но я же не глупая! Я знаю, где его искать!

В мамином телефоне есть фотографии. Секретные фотографии, которые мама смотрит, когда думает, что я сплю. Там класивый дядя обнимает мою маму. И мама всегда плащет, когда смотрит на эти фотографии.

А еще мама иногда говолит: «Вот твой папа, Валечка. Он сильный и класивый, но очень глупый.» И показывает на фотографию.

Значит, это МОЙ папа! Я же не дула!

Тётя Маша ушла в магазин за молоком. Она сказала: «Сиди дома, Валечка, никуда не уходи!» Но как же я буду сидеть, если папу надо искать?

Белу мамин телефон и смотрю фотографии. Вот он, мой папа. Клаливый, с болшими мускулами! А на фотографии написано: «Малат Алмазов, чемпион по ММА».

Я не знаю, что такое ММА, но зато знаю, что такое чемпион! Это когда ты самый лучший! Значит, мой папа самый лучший!

Теперь надо его найти. Где живут чемпионы? Наверное, в большом замке! Или в спортивном зале!

Включаю телевизол и ищу папу. Сначала идет реклама про памперсы (фу, глупо!), потом тетя рассказывает про погоду (скучно!), а потом... О! Сполт!

И тут диктол говолит: «Сегодня в спортивном комплексе 'Олимп' состоится турнил по смешанным единоборствам.

Главная звезда вещела — Малат Алмазов!»

ПАПА! Мой папа будет в сполтивном комплексе! Сегодня! Прямо сейчас!

Быстло-быстло записываю на бумажке: «Спортивный комплекс Олимп». Теперь знаю, куда ехать!

Но как туда добраться? Тётя Маша ходит очень медленно, она до вещела дойдет только завтра. А папе нужно помочь маме СЕГОДНЯ!

Открываю в мамином телефоне карту. До спортивного комплекса всего три остановки на автобусе, на котором мы ездили с мамой в поликлинику. Значит, не потеряюсь!

Одеваюсь быстло-быстло. Куртку розовую (она самая клаливая!), шапку с помпоном, сапожки. В калман кладу бумажку с адлесом и мамин телефон с фотографиями папы.

Выхожу из квартилы очень тихо, щтобы соседи не услышали. В автобусе показываю водителю название комплекса, и он обещает сказать, где выходить. У нас сосед дядя Володя любит вредничать и может не пустить к папе.

На улице холодно, но я не боюсь! Я же хлаблая девочка! Иду к остановке автобуса.

— Девочка, ты куда одна идешь? — спрашивает тетя в магазине.

— К папе! — говолю я гордо. — Он чемпион!

Тетя что-то говолит еще, но я уже бегу дальше. Взлослые всегда мешают важным делам!

На остановке стоит дядя в кепке. Он курит сигалету и вы-

глядит добрым.

— Дядя, — говорю я, — а автобус довезет до спортивного комплекса Олимп?

— А ты что, малая, одна едешь? — удивляется дядя. — Где лодители?

— Мама в больнице, а папа меня ждет! — объясняю я. — Он чемпион по ММА!

— Ого! — дядя улыбается. — Значит, у тебя папа — боец! Ну тогда садись, довезу!

Дядя оказался шофелом маршрутки! Как повезло! Он говорит, что знает, где спортивный комплекс, и довезет бесплатно, потому что «дочка чемпиона не должна платить за проезд».

В маршрутке много людей. Все смотрят на меня и улыбаются. Одна тетя спрашивает:

— Девочка, а папа знает, что ты едешь?

— Конечно! — вру я. — Мы договорились встлеться!

А на самом деле папа меня еще не видел. Но когда увидит, обязательно обладуется! В мультиках папы всегда лады встлечать своих детей!

Дядя-шофел высаживает меня у большого зданьица.

— Вот твой спортивный комплекс, чемпионка! — говорит он. — Только ты аккулатно там, не потеляйся!

— Не потеляюсь! — обещаю я. — Я же умная!

Захожу в зданьице. Ой, как тут много людей! Все куда-то спешат, говорят, смеются. А где же папа?

Спрашиваю у дяди в форме:

— Дядя, а где Малат Алмазов?

— Кто? — дядя наклоняется ко мне.

— Мой папа! Малат Алмазов! Чемпион!

— А, — дядя понимающе кивает, — твой папа дерется в главном зале. Но туда детям нельзя, там опасно.

Нельзя? Это мы еще посмотрим! Я же не просто дитя, я ДОЩА ЧЕМПИОНА!

Пока дядя отвлекся, я быстро пролезаю мимо него. Бегу по коридолу, ищу главный зал. Народу становится все больше, все кричат, шумят.

Вот он! Большой зал, а в центре — клуглая штука, обгороженная сеткой. Там дерутся дяди! А люди сидят волуг и кричат!

Ищу папу глазами. Где он? Где?

И тут вижу! Вот он, мой папа! Такой же класивый, как на фотографии! Стоит в этой клуглой штуке и поднимает луки велх! Победаааа!

— ПАПА! — кричу я что есть силы, но он не слышит. Очень шумно!

Надо подойти ближе! Прелезаю между дядями и тетями. Они высокие, а я маленькая, поэтому легко пролезаю.

— Эй, девочка! — кто-то хватает меня за куртку.

Но я уволачиваюсь! Я же ловкая! Добегаю до этой клуглой штуки. Как туда попасть?

Вижу дилку в сетке! Быстро пролезаю!

И вот я в клуглой штучке! А папа стоит совсем лядом!
— ТЫ МОЙ ПАПА! — кричу я, и весь зал замолкает.

Папа смотрит на меня большими глазами. Он удивлен!
Наверное, не ожидал, что я такая сообразительная и сама его нашла!

— МАМЕ НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ! — плодотжжаю я.
— Я НИКУДА НЕ УЙДУ И ЛАССКАЗУ ВСЕМ ДЯДЯМ И ТЕТЯМ, ЩТО ТЫ МОЙ ПАПА!

Папа молчит и смотрит на меня. Навелное, думает, какая я умная! Не каждый лебенек может найти папу в таком бол-шом городе!

А потом он спрашивает очень тихо:

— Как тебя зовут?

— Валя! Валентина Маратовна Свилидова! А ты Малат Алмазов, мой папа!

И тут все люди в зале начинают доставать телефоны и фотогалфиловать нас! Навелное, хотят показать всем, какая у чемпиона умная дочка!

Я так лада, что нашла папу! Теперь мы спасем маму, и будем жить все вместе, как в мультиках!

— Папа, — говолю я, — а мы поедем к маме плямо сей-час?

Папа кивает, но выглядит очень удивленным. Навелное, не пилилык, что я выласту такая сообразительная!

— А у тебя есть машина? — спрашиваю я.

— Есть, — отвечает папа.

— А она быстрая?

— Очень быстрая.

— Тогда поехали! Мама нас ждет!

Самый лучший день в моей жизни! Я нашла папу, и теперь мы спасем маму! Как в настоящей сказке!

Только почему-то папа такой стланный... Навелное, волнуется, что мама болеет. Но ничего, мы ее вылечим! Папы же умеют все!

А тот дядя Витя очень глупый. Он кричит и машет руками. Навелное, завидует, что у папы есть такая хорошая дочка, а у него нет!

Но мне на него наплевать! Главное — я нашла папу! И теперь у нас будет настоящая семья!

— Поехали, папа! — говорю я и беру его за руку. — Поехали спасать маму!

Глава 3

Марат

Итак, я еду по городу с пятилетним ребенком, который утверждает, что я его отец, и честно говоря, начинаю подозревать, что свихнулся. Может, в последнем бою меня слишком сильно по голове треснули? Может, это галлюцинация от сотрясения мозга?

Но нет, Валя вполне реальна. Она сидит сзади в детском кресле, которое в спешке нашёл администратор турнира, и ведёт светскую беседу, будто мы знакомы с рождения.

— Папа, а у тебя есть мороженое? — спрашивает она, изучая салон моей машины с видом эксперта по автомобилям.

— Мороженое? — переспрашиваю я, пытаюсь сосредоточиться на дороге и одновременно не сойти с ума от происходящего.

— Ну да! Мороженое! — Валя кивает так энергично, что косички развеваются как флаги на ветру. — Мама говорила, что папы всегда покупают детям мороженое!

Ага, значит, у меня уже есть родительские обязанности. Покупать мороженое. Замечательно.

— Сейчас осень, малышка, — говорю я. — Мороженое холодное.

— И ШТО?! — Валя смотрит на меня так, будто я только что сказал, что земля плоская. — Осенью мороженное еще вкуснее! Потому что на улице холодно, а в животике тепло!

Логика железная. Против такой аргументации не поспоришь.

— Хорошо, купим мороженое, — сдаюсь я.

— УЛА! — кричит Валя и начинает подпрыгивать на сидении. — Ты самый лучший папа в мире! Даже лучше дяди Сени из нашего двора!

Дядя Сеня, видимо, был серьезным конкурентом.

— А что хорошего делает дядя Сеня? — из любопытства спрашиваю я.

— Он иногда дает мне конфетки! — гордо отвечает Валя.
— Но у него нет машины! А у тебя есть! И она блестящая! Моя самооценка стремительно растет. Я круче дяди Сени! У меня есть блестящая машина!

Останавливаюсь у первого попавшегося магазина. Валя мгновенно отстегивается и готова выскочить из машины.

— Стой! — останавливаю я ее. — Подожди меня!

— А почему? — удивляется она. — Я умею ходить!

— Потому что... — начинаю я и понимаю, что не знаю, как объяснить пятилетнему ребенку правила безопасности.
— Потому что папы и дети всегда ходят вместе!

— А! — Валя кивает понимающе. — Щтобы никто меня не уклал!

Именно. Чтобы никто не украл. Хотя кто захочет украсть

такой ураган в розовой куртке?

В магазине Валя ведет себя как турист в музее — все рассматривает, все трогает, ко всему прикладывает уши.

— Папа, а почему йогурт не говолит? — спрашивает она, прислонив ухо к упаковке.

— Потому что он йогурт, — отвечаю я с видом человека, знающего толк в молочных продуктах.

— А может, он плосто прячется, ну скрывается? — продолжает свои исследования Валя. — Как мама, когда не хочет отвечать на мои воплосы!

Ребенок знает толк в человеческой психологии.

Доходим до прилавка с мороженым. Валя замирает перед витриной как паломник перед святыней.

— Хочу вот это! — показывает она на самое большое и разноцветное мороженое. — И вот это! И еще вот это!

— Валя, выбери что-то одно, — пытаюсь я проявить родительскую мудрость.

— Но я не могу! — трагическим голосом отвечает она. — Они все такие класивые! Как выбрать самое-самое?

Вопрос действительно сложный. Я смотрю на витрину и понимаю, что тоже не смог бы выбрать.

— Тогда возьмем три, — говорю я.

— ТЛИ?! — глаза Вали становятся размером с блюдца. — Сразу тли?!

— Сразу три.

— ОЙ! — Валя хватает меня за руку обеими руками. —

Ты действительно самый лучший папа! Лучше всех пап на свете!

Продавщица улыбается:

— Какая милая дочка! Прямо копия папы!

Копия папы? Я внимательно смотрю на Валу. Голубые глаза — как у Оли. Нос — тоже Олин. Упрямый подбородок... хм, а этот уже похож на мой.

— Папа, а почему ты на меня так смотлишь? — спрашивает Валя, облизывая мороженое. — У меня что-то на лице?

— Нет, просто... ты похожа на одного человека, которого я знал.

— На кого?

— На твою маму.

— Конечно! — Валя кивает, как будто это само собой разумеется. — Мама говорила, что я похожа на нее, но халактел у меня твой!

— Какой характер?

— Упламый! — гордо заявляет Валя. — И не боюсь ничего! И всегда добиваюсь того, что хочу!

Да уж, упрямства ей не занимать. Это она точно от меня... Стоп! А откуда я знаю, что это от меня? Может, и от Оли? И может она не моя! И скорей всего это именно так. Увидела у Оли старую фотку в телефоне и придумала себе папу.

Садимся обратно в машину. Валя уже успела измазаться мороженым с ног до головы. Розовая куртка теперь украшена разноцветными пятнами.

— Папа, а куда мы едем? — спрашивает она, старательно облизывая пальцы.

— В больницу, к твоей маме.

— А ты очень волнуешься? — Валя изучает мое лицо с видом психолога.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что у тебя такое же лицо, как у тети Масы, когда она смотрит новости по телевизору.

Тревожное лицо, значит. Да, наверное, волнуюсь. А как не волноваться? Сейчас я увижу Олю первый раз за пять лет. Увижу женщину, которую предал. Которая, оказывается, родила от меня ребенка и ни слова мне не сказала.

— Папа, а ты ладуешься, что у тебя есть я? — тихо спрашивает Валя.

Вопрос попадает прямо в сердце.

— Очень радуюсь, — отвечаю я, и понимаю, что это правда.

— А почему ты такой глухой?

— Грустный? А я грустный?

— Ага! — Валя кивает. — Как дядя Дима из нашего двора. Он тоже всегда глухой, потому что у него жена уехала к маме в деревню.

В деревню, наверное. Бедный дядя Дима.

— Я не грустный, Валя. Я просто думаю.

— А о чем ты думаешь?

— О твоей маме. О том, что случилось давно...

— Мама тоже о тебе думает! — радостно сообщает Валя.
— Она смотрит твои фотографии и плачет! И говорит: «Ах, какой он был класивый и хороший!»

Был. Прошедшее время. Значит, в настоящем я уже не хороший.

— А ты помнишь, что мама еще говорила обо мне? — осторожно спрашиваю.

— Конечно! — Валя вытирает липкие руки о сиденье (я мысленно прощаюсь с кожаной обивкой). — Мама говорила, что ты очень класивый и сильный, но сделал одну очень глупую штуку!

— Какую штуку?

— Не помню, — честно признается Валя. — Но мама сказала, что все мужчины иногда делают глупые штуки, а потом жалеют!

Жалею. Еще как жалею. Каждый день вот уже пять лет.

— А мама тебя плостит? — спрашивает Валя с надеждой в голосе.

— Не знаю, Валечка. Надеюсь.

— Обязательно плостит! — уверенно заявляет она. — Потому что ты холоший! Ты же купил мне мороженое!

В детской логике мороженое — это индикатор хорошести. Просто и понятно.

Приезжаем к больнице. Валя смотрит на серое здание и вдруг становится очень серьезной.

— Папа, а мама точно выздоровеет? — тихо спрашивает

она.

— Обязательно, — говорю я, хотя сам не знаю наверняка.

— А вдруг она не узнает меня тепель? — голос дрожит.

— Узнает, котенок. Мамы всегда узнают своих детей.

— А тебя узнает?

Вот это вопрос. Узнает ли меня Оля? И что скажет, когда увидит?

— Не знаю, — честно отвечаю.

— А если не узнает, ты ей напомним! — решительно заявляет Валя. — Скажешь: «Плитвет, Оля! Это я, Малат! Твой... твой...» — она задумывается. — А кто ты маме?

Хороший вопрос. Кто я Оле? Бывший парень? Отец ее ребенка? Человек, который разбил ей сердце?

— Не знаю, Котенок, — снова отвечаю честно.

— Тогда скажи, что ты папа Вали! — предлагает она. — Это же плавда!

Правда. Если эта удивительная девочка действительно моя дочь, то это правда.

Выходим из машины. Валя берет меня за руку — маленькая липкая ладошка в моей большой руке. И я вдруг понимаю, что готов на все, чтобы защитить этого маленького человека.

— Папа, — шепчет Валя, когда мы идем к входу в больницу, — а если доктол скажет, что мне нельзя к маме?

— Тогда я скажу, что ты ее дочь, и у тебя есть право видеть маму.

— А если он не повелит?

— Поверит, — уверенно говорю я. — Достаточно посмотреть на нас, чтобы понять — мы семья.

Валя улыбается и крепче сжимает мою руку.

— Самый лучший папа в мире! — шепчет она. — Даже лучше папы Кати из детского сада! У него нет такой классной машины! И он не чемпион мила!

Да, у папы Кати нет такой красивой машины. А у меня теперь есть дочь, которая считает меня лучшим папой в мире. Дочь, конечно под вопросом, но я бы хотел пока что верить в это...

Хотя я до сих пор не знаю, как быть папой. Но, кажется, Валя меня научит. Она уже научила меня покупать мороженое осенью и отвечать на вопросы про йогурт.

— Поехали в больницу спасти маму, — говорю я.

— Поехали! — отвечает Валя. — Мы же команда!

Команда. Папа и дочка. Звучит неплохо.

Даже если я понятия не имею, что делаю. И дочь ли она мне.

Глава 4

От лица Марата

Больница встречает нас запахом хлорки и безысходности. Знаете, есть места, которые напоминают о бренности бытия лучше любых философских трактатов — больницы как раз из их числа. Белые стены, скрипучий пол, медсестры с лицами, на которых написано «я видела все, и меня уже ничем не удивить».

Валя семенит рядом, крепко держа меня за руку. Ее маленькая ладошка все еще липкая от мороженого, но я не возражаю. Более того, эта липкость почему-то успокаивает — значит, все это реально, а не бред воспаленного сознания.

— Папа, а тут пахнет как у зубного доктола! — шепчет Валя, оглядываясь по сторонам. — Только еще стлашнее!

— Не страшнее, просто по-другому, — пытаюсь я ее успокоить.

— А почему все тети такие злые? — продолжает она свои наблюдения, кивая в сторону медсестер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.